

РОССИЯ И БОЛГАРИЯ В КОНТЕКСТЕ
БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 гг.¹

Развитие российско-болгарских отношений в период Балканских войн (1912–1913) представляет собой один из ключевых элементов в контексте общей ситуации в регионе, а также в Европе в целом в рассматриваемый период. Поддерживая страны антиосманского Балканского союза (объединившихся Болгарию, Сербию, Черногорию и Грецию), Россия отдавала себе отчет в существовании этнотерриториальных противоречий между союзниками. А они не только создавали трудности с точки зрения объединения усилий в борьбе за освобождение балканских народов, но и были способны заложить в регионе долговременные «мины замедленного действия», могущие спровоцировать межсоюзнические вооруженные конфликты. В сущности, всё это и продемонстрировала вторая Балканская война лета 1913 г. По справедливому замечанию лидера сербских социал-демократов начала XX в. Димитрие Туцовича, Балканский полуостров являлся «мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями». И по этой причине, по его словам, из-за взаимных территориальных претензий расположенные здесь государств (Сербия, Болгария, Греция и др.) находятся в непримиримых противоречиях друг с другом².

Не случайно на Балканах столь специфически взрывоопасное значение приобрели даже чисто лингвистические споры и трактовки тех или иных фактов прошлого и настоящего.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004)

² *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књ. 8. Београд, 1980. С. 104.

Российская исследовательница Е.К. Малая обоснованно интерпретирует данное явление как «язык вражды» и «переход медийного текста в дискурсивное поле сообщества»³. Речь идет, по сути, о проблеме так называемой «ареальной лингвистики», изучающей в том числе «механизмы контактов между отдельными языковыми кодами». А македонская исследовательница З. Тополинска считает последние «центральной лингвистической проблематикой на Балканах»⁴.

Еще одним фактором нестабильности на Балканах исторически выступали особенности модернизационных процессов. По словам венгерского исследователя-правоведа К. Кульчара, речь идет о процессе модернизации, тесно связанном с «адаптацией по отношению к центру оставших в развитии или даже развившихся в нечто другое периферийных государств. На различных своих стадиях процесс модернизации формировал и приводил в действие политические системы различного типа»⁵. «Как история, так и повседневность изобилуют примерами жесточайших людских противостояний, — продолжает венгерская исследовательница Э. Анчел. — Принадлежа к той или иной нации, народности, классу, слою, вероисповеданию, придерживаясь тех или иных взглядов, мы оказываемся противопоставленными друг другу. Происходит *негативное* — спаянное *отрицанием* — сплочение одних против других. И сколько кланов, сколько сплотившихся для борьбы группировок, столько и моралей»⁶.

Россия объективно вынуждена была в своей балканской политике искусно лавировать между своими беспокойными и зачастую неблагодарными союзниками — не забывая, разу-

³ Малая Е.К. «Факты, в которые верят»: фреймирование новостей в условиях поляризации общества // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 180–181.

⁴ Ареална лингвистика: теории и методы. Скопје, 2005. С. 12.

⁵ Кульчар К. Конституционное правотворчество в процессе формирования венгерской политической системы // Венгерский меридиан. 1990. № 2. С. 3.

⁶ Анчел Э. Этос, или Связующее начало // Венгерский меридиан. 1990. № 3. С. 3.

меется, о собственных национально-государственных интересах и настроениях в российском обществе, столь неравнодушном к Болгарии и в целом к Балканам. Как писал в горячие дни Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. И.С. Аксаков, «всё это я говорю, применяясь к тем власть имеющим условиям, в которых поставлено дело. Всё это — разные жертвоприношения на алтарь политических и дипломатических междудержавных приличий. Но что же делать, когда приходится с ними считаться! Мое желание одно — чтобы, не стесняясь ничем, “инсургенты” били турок и истощали Турцию, чтобы поскорее создали для дипломатии какой-нибудь *fait accompli* (свершившийся факт. — П.И.)»⁷.

Как весьма точно указывает российский исследователь В.Н. Виноградов, «в 60-е годы XIX в. начался быстрый рост национально-освободительного движения южнославянских народов. Борьба против турецкого национального и феодального гнета обострила соперничество великих европейских держав на Ближнем Востоке и на Балканах»⁸.

При этом позиция великих держав по балканским проблемам — и в том числе России — в значительной мере определялась опасениями дальнейшего неконтролируемого нарастания военно-политической нестабильности в регионе в рамках принципов «эффекта домино» и особенно «баланса сил», «учитывающего стратегии поведения множества игроков и текущее состояние международной среды»⁹. Это, к слову, понимали не только в Европе, но и в США, где также обращали всё более пристальное внимание на балканские дела, видя в них в том числе причину возможного вооруженного конфликта между Австро-Венгрией и Италией¹⁰.

⁷ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 273–274.

⁸ Виноградов В.Н. Боевое содружество народов России и Балкан во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1974. С. 205.

⁹ Зобнин А.В. Теория домино в научном дискурсе // Международные процессы. 2016. № 2. С. 65.

¹⁰ Искендеров П.А. США и албанское национальное движение 1878–1918 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 114.

Вполне можно согласиться и с мнением российской исследовательницы М.И. Лавицкой, выделяющей еще один немаловажный фактор в российской внешней политике и указывающей, что «становление российского государства и его превращение в Империю постоянно сопровождалось массой войн, справедливых и несправедливых, оборонительных и захватнических. Процесс имперской экспансии, в результате которого русский народ распространил свое влияние на огромные территории Евразии, ковался в том числе и на поле боя, где русское оружие было острием копья, которым цари, а затем императоры чертили новые границы и раздвигали пространство цивилизованной Ойкумены. История этой экспансии неизбежно затрагивала историческую судьбу больших и малых народов, которые попадали в орбиту русской цивилизации, либо вливаясь в нее, либо соглашаясь на различные формы политической, экономической и культурной зависимости.

Эти формы зависимости, с одной стороны, являлись отражением взаимоотношений в рамках имперской политики Нового времени, с другой стороны, особая форма устройства России как «империи наоборот»¹¹ создавала уникальный формат взаимоотношений между циклопическим зданием Российской империи и малыми народами, чья судьба на определенных исторических этапах была связана с Россией»¹².

Примечательно, что убежденными критиками политики России на Балканах в конце XIX — начале XX в. являлись болгарские социал-демократы во главе с Г. Димитровым. В своей статье, опубликованной 10 марта 1910 г. на страницах газеты «Работнически вестник», он призвал бороться «против захватнических поползновений австрийского империализма и осо-

¹¹ Лукьянов Ф.А. Империя наоборот // Россия в глобальной политике. 2011. № 1.

¹² Лавицкая М.И. Генерал Скобелев в исторической судьбе российско-болгарских отношений // Генерал М.Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня рождения). Рязань, 2014. С. 171.

бенно русского царизма на Балканском полуострове, а также против предательской политики правительств и династий в Болгарии, Сербии и других балканских странах»¹³.

Действительно, противоречия между великими державами накануне Первой мировой войны приобрели беспрецедентный характер и сломали вроде бы сформировавшиеся в международных отношениях стабилизирующие и сдерживающие механизмы. Тогдашняя ситуация в данном отношении существенно отличалась от последующих событий времен Второй мировой войны, когда, по словам болгарских исследователей Г. Петрова и Д. Радулова, «каждое из государств-членов антигитлеровской коалиции преследовало свои собственные политические цели. Но несмотря на это их объединяла одна общая цель — разгром фашистского блока и спасение мира от фашизма как идеологии и социальной системы»¹⁴.

Следует также учитывать и особенности социально-экономического развития Балканского полуострова, которые хорошо вписываются в более общие модели и тенденции. Как справедливо отмечает российский экономист Р.М. Нижегородцев, «процесс социально-экономического развития любой территории неоднороден. Под влиянием тех или иных факторов, не связанных непосредственно с экономическими параметрами (например, динамики рельефа, климата), в ней выделяются зоны более интенсивного развития. Их рост в дальнейшем носит кумулятивный характер, т.е. скорость роста в некотором смысле пропорциональна уже достигнутому ими уровню развития. В то же время под воздействием опять же “случайных” с точки зрения экономиста, причин (например, природных и техногенных катастроф) периодически совершается “рассеивание” (диссипация) накопленных ими ресурсов роста, вследствие чего некоторые из обозначившихся “точек роста” могут замедляться в раз-

¹³ *Димитров Г.* Балканската социалистическа акция // Димитров Г. Съчинения. Т. 2. София, 1982. С. 487.

¹⁴ *Petrov G., Radulov D.* Bulgaria's Contribution to the Defeat of Nazi Germany // *Études balkaniques.* 1985. № 2. P. 4.

витии или даже приходиться в упадок, испытывая локальный регресс»¹⁵.

Помимо традиционно существовавших и объективно обострившихся в условиях «дележа османского наследства» противоречий в треугольнике Афины–Белград–София немаловажную роль в плане развития ситуации на Балканах и влияния на политику в регионе России играли вполне определенные планы, существовавшие у Болгарии в отношении албанского национального движения — которое она стремилась использовать в интересах борьбы сначала против Турции, а затем Сербии и Греции. Указанные планы, однако, тщательно скрывались и вследствие этого не являлись предметом активного обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г. (в разгар очередного антитурецкого албанского восстания), болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве что там наступят исключительные события, чего он, впрочем, не ожидает в близком будущем»¹⁶.

Подобный подход контрастировал, в частности, с позицией Сербии, которая негативно относилась к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»¹⁷.

¹⁵ Нижегородцев Р.М. Эволюция экономического пространства: кризисная динамика // Российская наука: мечта светла. Сборник научно-популярных статей / под редакцией члена-корреспондента РАН В.И. Конова. М., 2006. С. 371.

¹⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 211.

¹⁷ Там же. Л. 353.

Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории¹⁸.

Тем не менее антисербские настроения среди албанцев все-таки превалировали, и подпитывались они не только их собственными национальными устремлениями — входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии — и дипломатическими усилиями государств Центрального блока, но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 г. — в период Илинденского восстания — между албанскими и македонскими лидерами были установлены тесные связи. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации (ВМРО) и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Санданским и левому крылу албанского Национального клуба¹⁹. Подобные контакты полностью отвечали интересам Софии²⁰. Там рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий и в отношении Македонии, — и оказывали содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания в 1910 г.²¹

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания–Македония–Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских

¹⁸ Там же. Л. 247.

¹⁹ Подробнее см.: Историја српског народа. Књ. 6. Т. 1: Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 165–166; Историја на македонскиот народ. Т. II. Скопје, 1969. С. 326–327.

²⁰ Први Балкански рат. Београд, 1959. С. 83, 90.

²¹ Там же. С. 79.

интересов едва ли меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия, но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить в 1911 г. антитурецкий союз.

Что характерно, в своих теоретических построениях сам сербский премьер Никола Пашич был отнюдь не чужд интеграционных моделей, в том числе и напоминавших идею сербских и болгарских социал-демократов о создании Балканской федерации. Так, еще в 1875 г. — в разгар антитурецкого восстания в Герцеговине — Пашич выступил с предложением о создании своеобразного «временного правительства» с участием представителей Сербии, Черногории, Воеводины, Хорватии. Эта идея внешне похожа на будущую идею Д. Туцовича и ССДП о создании — уже в общерегиональном масштабе — Балканской федерации. Правда, «временное правительство» Герцеговины, по Пашичу, должно было базироваться не на интернациональном, а этническом — сербском — принципе.

Стоит отметить и составленную Николой Пашичем в 1876 г. самую раннюю программу будущей Радикальной партии. Она свидетельствовала о том, что идея объединения балканских народов не была ему чужда: «Что касается освобождения и объединения внешнего, мы всегда решительно выступали за. Только, по нашему мнению, лучшим решением этого вопроса было бы освобождение революционным путем... что привело бы к объединению по воле народа, а не монархов. Мы — за союз сербско-болгарского народа, а по возможности и за создание Дунайской конфедерации»²². Как тут не отметить, что исторические корни Балканского союза 1912 г., обусловившего победу союзников в первой Балканской войне 1912–1913 гг. против Турции, — стержнем которого было тайное соглашение Белграда и Софии, — а затем

²² *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 118. Позднее идея южнославянской или балканской конфедерации и сербско-болгарского союза получит в идейных исканиях Н. Пашича новый импульс в период его нахождения в эмиграции в Болгарии в середине 1880-х годов.

давшего ту самую трещину из-за раздела освобожденных земель Македонии, которая вызвала братоубийственную вторую Балканскую войну 1913 г., — восходят как раз к 1889 г., когда Н. Пашич посетил с неофициальным визитом Софию и предложил болгарскому руководству заключить политический договор о союзе против Османской империи, а также соглашение о последующем разделе Македонии.

Завершивший вторую Балканскую войну мирный договор между Болгарией с одной стороны и Грецией, Румынией, Сербией и Черногорией с другой был подписан в 9 часов 30 минут утра 10 августа 1913 г. в Бухаресте. Однако данный факт не принес Балканам долговременной стабильности. Говоря словами российского балканиста В.Н. Виноградова, «Бухарестский договор, заключенный правителями балканских государств самостоятельно, без вмешательства великих держав, посеял зерна новых конфликтов на полуострове. Используя перекрещивающиеся претензии Бухареста, Белграда, Софии, Афин, Цетинье и Стамбула, дипломаты Антанты и Тройственного союза начали большую игру по заманиванию их в свой лагерь»²³.

По образному выражению британского исследователя Г. Мартела, ставшие предтечей первой мировой войны две Балканские войны 1912–1913 гг. и их урегулирование оставили в регионе «угрожающее наследие. Победители — ставшие большими по территории и более мощными — остались неудовлетворенными: удвоившаяся в размерах Сербия, всё еще оставалась изолированной от моря и сделала явными свои симпатии к сербам Австро-Венгрии, которых она рассматривала как угнетаемых братьев; Греция, расширившаяся настолько, что включила в свой состав почти все территории, большинство населения которых говорило по-гречески, смотрела поверх своих границ на «великую Грецию», включающую Константинополь и существенные части Малой Азии. Австро-Венгрия и Турция имели веские основания считать, что новые опасности еще впереди. А Болгария, что неудивительно, была озлоблена катастрофами предыдущего года — она потеряла 25 000 человек и была поставлена на грань революции»; те-

²³ Краткая история Румынии. М., 1987. С. 285.

перь же «ситуация предоставляла ей возможность пересмотреть вердикт 1913 г.»²⁴.

Справедливости ради следует отметить, что причины второй Балканской войны коренились не только в сфере собственно сербо-болгарских споров вокруг македонских земель. Их следует искать также в событиях Адриатического кризиса осени 1912 г. и развитии ситуации вокруг албанских земель. Вполне точным представляется в данной связи мнение историка Сиднея Фей о том, что, «хотя албанский компромисс (речь идет о решениях Лондонского совещания послов великих держав об административном устройстве и границах Албании. — *П.И.*) предотвратил опасность немедленной войны между великими державами, он оставался весьма тревожным фактором балканской политики... Он явился косвенной причиной братоубийственного сербо-болгарского конфликта в июне 1913 г. (вызванного не в последнюю очередь крахом надежд Сербии на территориальное расширение в направлении Адриатики. — *П.И.*) и привел к новому австро-сербскому кризису в ноябре того же года»²⁵. А в более широком контексте следует согласиться с черногорским исследователем Ш. Растодером, охарактеризовавшим Балканские войны как попытку «балканских государств (Черногории, Сербии, Болгарии, Румынии и Греции) увеличить государственные и национальные территории согласно своим стратегическим целям, базирующимся на разделении распадающейся Османской империи»²⁶.

Как указывает в данной связи македонский исследователь Д. Будимовски, «экономические богатства и стратегические выгоды Албании и Македонии, расположенных в сердце Балкан и на трех морях — Адриатическом, Ионическом и Эгейском, питали претензии на данные территории со стороны тогдашних великих держав»²⁷. При этом, по оценке

²⁴ *Martel G.* The Origins of the First World War. London and New York, 1987. P. 63.

²⁵ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Том I. М., 1934. С. 308.

²⁶ История Черногории с древнейших времен до 2006 года. М., 2010. С. 143.

²⁷ *Будимовский Д.* Македонците во Албанија. Скопје, 1983. С. 45.

некоторых исследователей, в результате разграничения территорий согласно Бухарестскому мирному договору 1913 г. в состав Албании вошло всего лишь малая часть территорий, на которые претендовали лидеры национального движения²⁸.

Свою негативную роль играло и тесное переплетение на Балканах и в целом в Центральной и Юго-Восточной Европе династических, военно-политических, социально-экономических, этнорелигиозных и социокультурных противоречий. В частности, как справедливо отмечает российская исследовательница И.С. Яжборовская, «препятствием на пути прогрессивного общественного развития ряда наций Центральной и Юго-Восточной Европы было недемократическое политическое устройство — как Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, так и, хотя в меньшей степени, балканских стран (конституционных монархий)»²⁹. Кроме того, конкретно перед Болгарией в рассматриваемый период по-прежнему стоял принципиальный вопрос глобальной внешнеполитической ориентации, который болгарский исследователь Иван Стоянов охарактеризовал как «Вечный вопрос — на Запад или на Восток?»³⁰.

В конечном итоге речь шла об историко-региональном преломлении той самой проблемы принятия решений в контексте неопределенности, которую сегодня принято характеризовать как задачу «оценки привлекательности инвестиционных проектов в условиях неопределенности»³¹.

²⁸ *Литовски А.* Соработка на националноослободителните движења од вардарскиот, егејскиот и пиринскиот дел на Македонија во Втората светска војна. 1941–1947. Битола, 2012. С. 15.

²⁹ К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе // Советское славяноведение. 1988. № 5. С. 9.

³⁰ *Стоянов И.* ТЦБК: идеи и проекты. Велико Търново, 2010. С. 155.

³¹ *Алименко Е.В., Кармазин В.Н.* Повышение инвестиционной привлекательности проекта на основе обратных вычислений // Современное состояние и приоритеты развития фундаментальных наук в регионах. Т. 2. Краснодар, 2008. С. 90.

События второй Балканской войны лета 1913 г. стали еще одним фактором укрепления болгаро-албанского взаимодействия под антисербскими лозунгами, создававшего серьезные проблемы для российской дипломатии. Стремясь свести счеты со своей недавней союзницей – Сербией, Болгария попыталась сделать ставку на албанских лидеров — в первую очередь группировавшихся вокруг главы временного албанского правительства во Влере Исмаила Кемали. В обмен на вооруженное выступление против Сербии им были обещаны территориальные компенсации за счет сербских земель. Расчеты Софии строились на том, что восставшие против Сербии албанцы провозгласят автономию на территории Македонии, а затем Болгария аннексирует интересующие ее районы под предлогом обеспечения безопасности. В результате реализации данного плана, говоря образными словами сербского историка Душана Батаковича, «через Македонию пройдет албано-болгарская граница». С военной же точки зрения болгарский Генеральный штаб рассчитывал на 20 тысяч албанских штыков из Старой Сербии и Македонии, которые после первой Балканской войны нашли прибежище в Албании. Повести это войско в антисербские сражения должны были заседавшие в то время во Влерском правительстве Хасан Приштины и Иса Болетини. Временное албанское правительство распорядилось задержать на албанской территории беженцев из Старой Сербии, аргументируя это тем, что вскоре их земли будут освобождены из-под власти Сербии³².

Болгарские комитаджики активно готовили албанские отряды для партизанских действий внутри Сербии; оружие и финансовые средства исправно поступали из Вены. Единственной силой на пестрой албанской сцене, способной противостоять попыткам албанских лидеров спровоцировать антисербское восстание в Косово и Македонии, с тем чтобы потом прийти на помощь соплеменникам, являлся в создавшейся ситуации один из албанских лидеров, крупный военачальник и землевладелец Эссад-паша Топтани. Он остался ве-

³² Документи о спољној политици Краљевине Србије. Књ. 6. Св. 3. Београд, 1984. С. 262.

рен союзническим обязательствам в отношении Сербии и не только отказался присоединиться к албанским главарям, но и держал сербское правительство в известности о происходящем³³. По сути, именно Эссад-паша в рассматриваемый период «в обмен на щедрую финансовую помощь Белграда противодействовал попыткам других албанских лидеров организовать крупномасштабный сербо-албанский конфликт в Косово и соседних балканских областях»³⁴.

В итоге организовать скоординированное албанское выступление против Сербии не удалось. Против него выступил Эссад-паша, и его влияния хватило для нейтрализации усилий и Болгарии, и Австро-Венгрии с Италией. Две последние великие державы действовали в унисон с Софией, пытаясь — через своих агентов в лице священников и школьных учителей — натравить албанцев на Сербию, а заодно дискредитировать Эссада как главного противника данных усилий³⁵.

В кабинете Н. Пашича не сомневались, что албанские лидеры при поддержке монархии Габсбургов готовят новое широкомасштабное нападение на сербскую территорию, с тем чтобы вовлечь в орбиту антисербских выступлений, охвативших присоединенные к Сербии районы, и тех албанцев, которые до сих пор оставались спокойными. Однако и жесткие действия самих сербских военных властей в присоединенных областях мало способствовали нормализации обстановки. Как следствие — внутренний и внешний фактор сработали одновременно, и антисербское восстание в области Люма к юго-западу от Призрена было усилено вторжением извне в новые границы Сербии албанских отрядов. 20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10 000 человек пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, всё еще находившиеся под

³³ Подробнее см.: *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38, 60–61.

³⁴ *Искендеров П.А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 49.

³⁵ Документи... Књ. 6. Св. 3. С. 194, 239, 253.

контролем сербских войск, так и территории Западной Македонии и Старой Сербии, которые, согласно решениям Лондонского совещания послов великих держав, были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джяковица и Призрен.

Во главе отрядов стояли известные албанские вожди Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Кьясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и пообещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Единственным из албанских лидеров, кто отказался примкнуть к военной коалиции, стал Эссад-паша — проинформировавший о развитии событий и своей собственной позиции власти Белграда³⁶.

Находившиеся на границе малочисленные и слабовооруженные сербские гарнизоны и несколько подразделений жандармов понесли серьезные потери и были вынуждены отступить. На южном направлении албанские отряды, ведомые болгарскими комитаджиями и четами ВМРО, сумели занять Охрид и Стругу и продвинулись к Гостивару. 22 сентября Дебар — город с 15-тысячным населением — был занят 6-тысячным албанским отрядом, а сербские силы численностью в две роты отступили к Кичеву³⁷. Сербские власти сразу же заявили о присутствии в албанских отрядах иностранных офицеров, что подтверждалось собранными ими дипломатическими и иными сведениями. Например, говорилось о тесных связях албанских лидеров с ВМРО, и в частности с Янетом Санданским, который в целях подготовки совместного антисербского наступления несколько месяцев провел в Албании в сопровождении других лидеров своей организации³⁸.

³⁶ Документи... Кън. 6. Св. 3. С. 347, 351, 359, 378, 379, 406, 418.

³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 254; Д. 531. Л. 346, 348.

³⁸ Документи... Кън. 6. Св. 3. С. 537; Там же. Кън. 7. Св. 1. С. 191–192, 335–336, 478.

На северном направлении отряды под командованием Исы Болетини, Байрама Цурри и Кьясима Лики заняли Люму, осадили Призрен и на короткое время овладели Джняковицей.

Совет министров Сербии издал 22 сентября распоряжение о дополнительной мобилизации резервистов и направлении практически всех находившихся в Южной Сербии сербских войск к Дебару, а также для занятия стратегических пунктов на албанской территории. Была мобилизована Моравская дивизия; два полка резервистов выдвинулись к границе с Албанией из Белграда и Крушеваца и составили сводную дивизию³⁹. В общей сложности в боевую готовность были приведены части, насчитывавшие до 75000 человек личного состава и имевшие на своем вооружении артиллерию⁴⁰.

В тот же день Австро-Венгрия через сербское дипломатическое представительство в Белграде довело до сведения правительства Сербии свое видение сложившейся опасной ситуации. Сербскому посланнику в Вене было заявлено, что причиной обострения обстановки в районе сербо-албанской границы стало восстание албанцев в новых границах Сербии: «эти мятежи и беспорядки вызвали албанцы»⁴¹. Однако их причиной стало то обстоятельство, что сербские войска «всё еще удерживают некоторые области, которые принадлежат Албании»⁴². Кроме того, в вину сербским властям ставилось закрытие рынков в приграничных с Албанией городах — в первую очередь, в Дебаре и Джняковице, — которые албанцы «уже привыкли посещать и отовариваться в них тем, что им необходимо для жизни»⁴³. Если бы сербские войска ранее были отозваны, не было бы нынешних беспорядков и инцидентов, утверждало внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии⁴⁴.

³⁹ Батаковић Д. Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С. 305.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 370; Ф. Канцеларија. 1913. Оп. 470. Д. 113. Л. 370, 371.

⁴¹ Документи... Књ. 6. Св. 3. С. 356.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

Тем временем 23 сентября российский МИД получил от сербского посольства в Санкт-Петербурге следующее описание событий:

«Албанцы атаковали нашу границу вдоль всего фронта сразу же после того, как наши войска эвакуировали стратегические точки, которые мы занимали до настоящего времени, и которые мы оставили в результате вмешательства великих держав. Албанцы большими массами вторглись на нашу территорию и осадили Дибру (Дебар. — *Л.И.*). Вслед за этим королевское правительство Сербии было вынуждено предпринять меры, упомянутые в предыдущем сообщении, направленном в адрес великих держав.

Одновременно королевское правительство обращает внимание императорского правительства на присутствие среди албанцев болгарских офицеров и считает желательным выступить с энергичными требованиями в адрес временного албанского правительства или отдать необходимые распоряжения европейским властям в Албании, с тем чтобы болгарские офицеры были немедленно удалены»⁴⁵.

В результате сербским войскам удалось разгромить вторгшиеся на территорию Королевства албанские отряды. Однако потери сербской армии оказались значительными вследствие высокой технической оснащенности албанских подразделений, имевших на своем вооружении артиллерию и пулеметы и, по сведениям сербских официальных лиц, подчинявшихся командованию иностранных офицеров, под руководством которых и были достигнуты первоначальные успехи. По мнению сербского правительства, в подготовке вооруженных албанских выступлений принимали участие представители ряда иностранных государств, в первую очередь Австро-Венгрии и Болгарии, о чем свидетельствовали перехваченные сербскими представителями зашифрованные телеграммы, направлявшиеся болгарскими офицерами, находившимися в Албании (в частности, в Дурресе), через Каттаро, Сараево, Будапешт и Бухарест в Софию. По сообщению сербского поверенного в делах в Риме, итальянское правительство также не отрицало

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 31.

присутствия среди албанцев иностранных офицеров. Что же касается косвенных данных о причастности к этим событиям итальянской стороны, то сербский кабинет решил не придавать им особого значения, несмотря на полученное от митрополита Дурреса Якова сообщение об уступке Австро-Венгрией и Италией центральному албанскому правительству артиллерийских орудий и другого вооружения, захваченного итальянскими войсками в Триполи в ходе итало-турецкой войны⁴⁶.

По мере развития кризиса на сербо-албанской границе в Белград стали поступать неблагоприятные для Сербии известия непосредственно из Болгарии, где была проведена частичная мобилизация, повышена боеготовность войск, находящихся на сербо-болгарской границе, а также активизировалась деятельность болгарских агитаторов среди населения Македонии. Его предупреждали о вероятном новом вооруженном столкновении двух государств и побуждали к восстанию в случае появления болгарских войск на территории Сербии. В результате сербское правительство было вынуждено, предвидя массовые выступления протеста в присоединенных к стране областях, помимо направления подкреплений на сербо-албанскую границу еще больше увеличить количество мобилизованных воинских частей и разместить отдельную дивизию на оборонительных позициях на Овчем Поле, приведя в полную боевую готовность в общей сложности более 75 000 человек с соответствующими артиллерийскими частями⁴⁷.

После подавления албанского выступления сербские военные власти жестоко наказали его участников. Это вынудило многих жителей Охрида, Дибры и Люмы спешно покинуть места своего проживания и искать спасения во внутренних и прибрежных районах Албании, в частности, в городах Эльбасан, Тирана и Дуррес, куда уже фактически пришла зима. Общее число беженцев из Сербии достигло 40 000 человек. Среди них наряду с мусульманами находились и лица христианского вероисповедания, главным образом болгары из

⁴⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 386.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 170; Д. 531. Л. 349.

Охрида и Струги, но они составляли незначительное меньшинство⁴⁸. Как сообщал в те дни российский представитель в Контрольной комиссии А.М. Петряев, «по словам недавно посетившего меня корреспондента “Таймс”, положение их (беженцев. — П.И.) ужасное. Они в полном смысле слова осуждены на голодную и холодную смерть»⁴⁹. А в секретной телеграмме российского дипломата, отправленной 21 октября, сообщалось о том, что в тот же день его посетила «делегация албанцев из Охрида, Дибры, Струги и Приштины», которые «умоляли о заступничестве России против жестокостей сербов в занятых ими местностях. По их словам, экзекуции производятся массами без разбора пола и возраста. Депутаты выразили уверенность, что только воздействие России на Сербию может остановить эти ужасы. По имеющимся здесь сведениям, в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей»⁵⁰.

Сербо-албанские отношения и дипломатические усилия России по их урегулированию осложнялись тем интересом, который проявляла в отношении вышеуказанных событий Болгария. Правящие круги этой страны вынашивали планы расквитаться за недавнее унижение во второй Балканской войне со стороны сербов, и в этих целях были готовы использовать весь арсенал средств — от политико-пропагандистских до военных. По меткой характеристике российского историка М.А. Бирмана, «реваншистские настроения руководство страны подогревало с помощью беженцев с территорий Южной Добруджи, Македонии и Фракии, отошедших к соседним странам»⁵¹.

Что же касается возможных союзников Софии в новой балканской войне, то, по негласным сведениям, полученным Петряевым в начале декабря 1913 г., болгарское правительство поручило своему генеральному консулу в Албании установить

⁴⁸ Там же. Д. 2908. Л. 16.

⁴⁹ Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 250.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.

⁵¹ Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 306.

контакты с албанскими лидерами в Дебаре и Люме на предмет тайного направления болгарских офицеров в качестве инструкторов с целью организации добровольческих иррегулярных полков на территориях, прилегающих к сербской границе⁵². Кроме того, согласно секретным сведениям, полученным сербским правительством, болгарский кабинет предпринимал усилия, направленные на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев. В связи с этим в декабре 1913 г. усилился приток болгарских эмигрантов в крупнейшие центры Албании, и в особенности в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Дмитрий Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты «Вечерняя почта» — слывущей в болгарской столице «официозом»⁵³). Он имел несколько встреч с Эссад-пашой, которому, согласно информации, сообщенной сербским правительством российскому посланнику в Белграде Н.Г. Гартвигу, предложил для обсуждения следующую программу:

Интересы Болгарии и Албании требуют осуществления совместных действий, с тем чтобы не оставлять в покое Сербию и Грецию, ибо в противном случае они сумеют укрепить свои позиции на занятых ими территориях, и тогда будет практически невозможно вынудить их оставить данные области. Военные действия должны быть начаты не позднее чем через шесть месяцев по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией, которое, по словам Атанасова, могло бы быть достигнуто значительно ранее, если бы не препятствия, создаваемые Россией. Албанцы, со своей стороны, должны поставить под ружье не менее 30 000 человек, причем Болгария обязуется предоставить им необходимое оружие, боеприпасы и другие военные материалы. В заключение болгарский представитель заверил Эссад-пашу в том, что примирение между Болгарией и Сербией не может быть достигнуто ни при каких условиях, несмотря на все старания России.

⁵² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 30.

⁵³ Там же. Д. 515. Л. 6.

Тем не менее Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией⁵⁴. Очевидно, свою роль сыграли не только финансово-политические связи Эссада с Белградом, но и его объективная оценка расстановки сил на Балканах. Объединенный сербо-греческий фронт выглядел слишком сильным противником для объединенных албано-болгарских сил — тем более что Белград и Афины связывало специальное межгосударственное соглашение (чего не было в случае с Болгарией и Албанией). Еще 19 мая 1913 г. Сербия и Греция подписали приложенную к союзному договору секретную декларацию по албанским делам. В ней стороны зафиксировали, что ввиду «их специальных интересов на этих территориях Адриатического побережья» они решили поделить Албанию на сферы влияния. При этом сербской сферой были объявлена «территория к северу от линии, проходившей по течению реки Семан, Девол и вдоль горной цепи Камия, греческой — к югу от этой линии»⁵⁵.

Что же касается Болгарии, то сохранявшиеся у нее острые противоречия с Сербией вокруг македонских земель объективно делали почти невозможным их совместное нахождение в новом военно-политическом блоке и в целом являлись «вечной угрозой миру на Балканах и интересам Балканского полуострова», — как весьма справедливо подчеркивали в своем меморандуме министру иностранных дел России от 14 августа 1914 г. активисты македонского национального движения Д. Чуповский и К. Мисирков⁵⁶.

Тем временем болгарский фактор приобретал всё более важное значение в развитии отношений внутри самого албанского лагеря, в частности, углубляя противоречия между председателем Временного албанского правительства Исмаилом Кемали и противостоявшим ему Эссад-пашой Топтани,

⁵⁴ Там же. Д. 2908. Л. 56.

⁵⁵ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 51.

⁵⁶ Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 39.

создавая немалые проблемы для российского делегата в Международной контрольной комиссии в Албании А.М. Петряеву. Последний сообщил на Певческий мост 22 января 1914 г. о принятой Контрольной комиссией отставке главы правительства во Влере и принятии ею от Кемали мандата на управление Влерским округом (о чем был составлен особый акт). К этому времени делегаты Международной контрольной комиссии потеряли всякое доверие и лично к Исмаилу Кемали, ибо «некоторые из таких его акций, как поддержка проекта албано-болгаро-турецкого союза или планов воссоединения Косова и Чамерии с Албанией, подорвали его авторитет в МКК (Международная контрольная комиссия. — П.И.). Члены комиссии не без основания заподозрили И. Кемали в благожелательном отношении к кандидатуре мусульманского претендента на албанский престол и даже в попытке заговора против МКК с целью отстранить ее от албанских дел»⁵⁷.

Одной из целей двух ключевых албанских лидеров в рассматриваемый период — Исмаила Кемали и Эссад-паши Топтани — было закрепиться на занятой сербской территорией и пригласить туда делегатов Международной контрольной комиссии. В присутствии дипломатов великих держав местные албанцы должны были заявить о своем солидарном желании, чтобы Джаловица, Печ, Призрен и земли вплоть до железной дороги Урошевац (Феризович) — Митровица были переданы в состав Албании, как это и было обещано Австро-Венгрией в период работы Лондонского совещания. Оперативные ответные действия сербской армии не позволили реализоваться этому сценарию. К тому же действия албанских отрядов не встретили массовой поддержки местного албанского населения, на которую рассчитывали их лидеры. По образному выражению сербского историка Д. Богдановича, они замыслились как «диверсии» в целях подготовки антисербских военных операций Австро-Венгрии и Болгарии — и таковыми остались: «с ограниченным действием без какого-либо успеха»...⁵⁸.

⁵⁷ Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 62.

⁵⁸ Подробнее см.: Богдановић Д. Књига о Косову. Београд, 1990.

РЕЗЮМЕ

**РУСИЯ И БЪЛГАРИЯ В КОНТЕКСТА
НА БАЛКАНСКИТЕ ВОЙНИ 1912–1913 г.**

В статията се анализират взаимните връзки между Русия и България в контекста на Балканските войни 1912–1913 г. Вниманието на автора се концентрира върху конфликта между взаимните очаквания и пресмятания на руската дипломация и българското ръководство. Особено място се отделя на опитите на руската дипломация за постигане на мирно разрешаване на противоречията между балканските държави. Статията се гради върху непубликувани архивни материали.